

М.И. ПАНТЫКИНА

Феноменология права и интегративное правопонимание

Актуальность статьи обусловлена кризисным состоянием методологии современной юридической науки. Показаны теоретико-методологические возможности феноменологии права в применении к интегративному правопониманию. Основной тезис – содержательно-логическое единство феноменологии права и интегративного правопонимания – одно из оснований становления методологически строгой неклассической науки о правовой жизни.

Ключевые слова: феноменология права, интегративное правопонимание, правовая жизнь, правовой объект, методология юриспруденции.

Actuality of the article is caused by the critical state of the methodology of the contemporary science of law. It shows the theoretical-methodological opportunities of phenomenology of law in the area of their application in integrative understanding of law. The main thesis of the article is that the content-logical unity of the phenomenology of law and integrative understanding of law can become one of the foundations for the formation of methodologically strict non-classical science of law with such an object of study as legal life.

Keywords: phenomenology of law, integrative understanding of law, legal life, legal object, methodology of jurisprudence.

В последние десятилетия было опубликовано немало исследований о методологии современной юриспруденции. Методологический кризис М. Антонов объясняет тем, что, несмотря на изменения, происходящие в обществе, правоведы склонны проецировать “апробированные в старом праве методы и термины на формирующееся новое право. Согласование таких методов и терминов с движением социальной жизни обычно мало заботит догматически настроенного правоведа, если заботит вообще” [Антонов, 2011, с. 13]. В результате “метастазы” методологических проблем начинают проявляться в некритическом синкретизме гносеологических установок и методологических подходов, исторически сложившихся в философском, научно-теоретическом и юридико-догматическом отношении к праву [Тарасов, 2009, с. 661]. Отсутствие ясных методологических ориентиров приводит к тому, что, как пишет К. Коссио, предпочтение той или иной теории становится для современного исследователя “не вопросом поиска истины, но делом мнения, вкуса или настроения” [Коссио, 2009, с. 423]. Кроме того, для современной юриспруденции характерно непонимание необходимости построения более широкой теории права, которая бы учитывала особенности всех правовых семей, а не только права государств Вестфальской системы, а также включала бы в себя проявления надгосударственного и негосударственного права [Твайнинг, 2010, с. 256]. А все усиливающаяся разнонаправленность в развитии общей теории права и

Пантыкина Марина Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, заместитель директора гуманитарно-педагогического института по учебной работе Тольяттинского государственного университета.

отраслевых юридических наук формирует несогласованность стилей правового языка и мышления.

Очевидное отсутствие методологического единства между догматикой права, законотворчеством и практикой правоприменения оказывает разрушающее воздействие на систему юридического образования и проявляется распространенной эвокацией: «Преподаватели права... предупреждают студентов, чтобы те не вздумали в своей будущей деятельности воспользоваться научной аргументацией в суде и, с другой стороны, не шли бы на поводу у профессиональных юристов, готовых предложить “серые” технологии применения права и разрешения правового конфликта» [Пермяков, 2013, с. 175].

В сложившейся деструктивной теоретико-методологической ситуации особое значение приобретают философско-правовые концепции, направленные на переосмысление сложившихся представлений о праве и раскрывающие внутреннюю логику изменений правовых норм, ценностей и смыслов права. Как писал Ж.-Л. Бертель, необходима всеобъемлющая концепция права, которая была бы применима к изучению существующих и разработке новых юридических норм. Для ее создания следует “выявить существенные элементы методологического плана, обеспечивающие разработку правовых норм, и докопаться до инструментария и аргументов, посредством которых происходит внедрение этих норм в практику” [Бертель, 2000, с. 13].

Философско-правовыми концепциями, отвечающими указанным выше требованиям, принято считать феноменологию права, правовую герменевтику, коммуникативную концепцию права и саморазвивающуюся теорию права. Думается, особое место среди них занимает феноменология права. Ее специфика в отношении указанных выше направлений философии права состоит в том, что она является теоретико-методологическим фундаментом решения их собственных теоретических задач. Данное преимущество феноменологии права объясняется тем, что она обладает конкретной методологической программой, сформированной еще в рамках философской феноменологии Э. Гуссерля. Кроме того, последняя обогатила теорию права такими понятиями, как интенциональность, интересубъективность, и учением о жизненном мире, применение которых в правовых исследованиях позволяет вернуть юриспруденцию к исходным основаниям и обнаружить право как постоянно отодвигающийся “горизонт” актуального освоения мира.

В первом приближении феноменологию права можно определить как теоретико-методологическое направление философии права, изучающее условия конституирования правовых смыслов и формы их явленности в правовой реальности. Основная задача феноменологии права состоит в адаптации феноменологической методологии к исследованию права, поскольку именно она позволяет учитывать нередуцируемую сложность права, интегрировать частные аспекты бытия права, разработанные в классических типах правопонимания, сосредоточить внимание на правовом субъекте и его способностях. Внешние же проявления и объективации права должны рассматриваться в контексте этих условий.

Предложенные определения сущности и назначения феноменологии права, безусловно, не раскрывают всех ее теоретических и методологических возможностей. В этой связи целесообразно обратиться к ее “краткой истории” (подробнее см. [Пантыкина, 2008, с. 68–69]) с тем, чтобы в тенденциях развития феноменологии права обнаружить ее специфику. Замечу, что реконструкция истории развития феноменологии права – нетривиальная задача, сложность решения которой объясняется в энциклопедии “Философия права” тем, что “хотя Гуссерль полагал, что его метод может быть применен во всех науках, немногие теоретики права использовали феноменологию и ее методологические процедуры для рассмотрения проблем философии права. А те, кто считал себя феноменологом, ограничивались одним из аспектов феноменологии, оставляя без внимания другие методологические возможности” [Phenomenology... 1999, р. 645–647]. Таким образом, констатируют авторы энциклопедии, в настоящее время отсутствуют образцы или эталоны феноменологических теорий права.

Как уже отмечалось, феноменологическая традиция философии права обязана своим развитием учению Гуссерля. Однако невозможность обнаружить текстуальные свидетельства философско-правовых взглядов Гуссерля и его окружения существенно осложняет анализ источников и основных периодов развития феноменологии права в соответствии с канонами принципа историзма. Думается, история феноменологии права может быть реконструирована, исходя из допущения о непроизвольном влиянии идей Гуссерля на различные философско-правовые направления. Это в конечном итоге привело к формированию феноменологии права как интегративной теоретической концепции, аккумулировавшей в себе основные тенденции развития правового мышления XX в., позволило обосновать возможность перехода от объективистской науки о праве к рефлексивной позиции по отношению к нему.

В истории феноменологии права можно выделять следующие блоки теоретико-методологических интеракций:

- взаимовлияния неокантианства и феноменологии права, связанные с совместной разработкой проблем должного и сущего в праве, интересубъективной интерференции, определяющей его ценностную природу, поиском априорных структур в праве, применением интенционального анализа (Г. Кельзен, Г. Радбрух, Дж. Дель Веккио, К. Коссио и др.);

- метафизические искания русской философии права, где феноменология рассматривалась как основание для “возрождения” естественного права, специфика которого должна состоять в синтезе различных направлений гуманитарного знания (психологии, социологии, истории, философии) и религиозной метафизики (С. Гессен, И. Ильин, Н. Лосский, С. Франк, Б. Вышеславцев, Ф. Степун, Г. Гурвич, Л. Петражицкий и др.);

- аутентичные философско-феноменологические учения, в которых право описывается как сложный феномен с помощью широкого спектра феноменологических процедур, рассматривается проблема объективной структуры или эйдетической сущности правового логоса, определяется функция горизонта или смыслового предела сущностных характеристик права (Н. Алексеев, А. Райнах);

- современные философско-правовые интерпретации феноменологии, направленные на восполнение пробелов теории права и уточнение современных определений нормативности с помощью феноменологической редукции, логического учения о значении и принципа интересубъективности Гуссерля. Их отличает стремление применить данные теоретические положения к решению проблем гражданского, судебного и международного права, правовых техник, правовой политики в отношении национальных меньшинств и ревизии юридического языка (Э. Гуссерль, А. Кауфманн, П. Амселек и Б. Вальденфельс и др.).

Логика развития феноменологических идей демонстрирует их непоследовательность и нелинейность, а историческая и логическая “неоформленность” традиции феноменологии права может служить дополнительным аргументом в пользу продуктивности и своевременности развития этого направления правовой и философской мысли. Открытость ее исследовательской программы задает импульс развитию неклассической и постнеклассической научной рациональности и, в конечном итоге, служит теоретико-методологическим основанием обновления теории права.

Так, например, А. Поляков в ряде работ отмечает существенное влияние феноменологии на развитие неклассического правопонимания [Поляков, Тимошина, 2005, с. 51]. В частности, он указывает, что метод феноменологической редукции и принцип интересубъективности служат преодолению ограниченности традиционных типов правопониманий. Принцип интенциональности представляет право как предметно-смысловое образование. Поскольку право активно формируется и направляется сознанием правового субъекта, это предполагает осмысление специфики его познавательной позиции и разработку адекватной методологической программы. Концепция жизненного мира определяет сущностное и функциональное единство онтологических оснований права, реализующихся в деятельности субъекта права.

Несмотря на то, что развитие неклассических типов правопонимания имеет как сторонников, так и противников, всех их объединяет осознание того, что трудности в решении современных теоретико-методологических проблем исследования права обусловлены сложностью описания права таким, каким оно предстает в опыте и показывает себя “на самом деле”, а именно как самопорождающийся социальный процесс, лишенный вневременной устойчивости и предполагающий постоянную корректировку правопонимания. Замечу, что данная теоретическая установка – также результат плодотворной “прививки” идей феноменологии права к классическому правопониманию и соответствует замыслу Гуссерля о том, что назначение феноменологии должно состоять в создании условий для внутринаучной рефлексии, осознания необходимости парадигмальных измерений. Именно в таком качестве феноменология права реализует себя в отношении классической теории права, развивая интегративную философско-правовую парадигму как одно из направлений неклассического правопонимания.

Что такое интегративное правопонимание? Это неклассический тип правопонимания, характеризующийся, во-первых, признанием ограниченности традиционных типов правопонимания и выделением объединяющих их оснований; во-вторых, утверждением, что любое исследование правовой сферы должно быть направлено на решение определенной социальной проблемы; в-третьих, если предметом позитивного правопонимания является закон, естественного правопонимания – правосознание, а социологического – правоотношение, то интегративное правопонимание ориентировано на формирование их смыслового конфигурата – особого правового объекта.

Интегративный подход к праву возник в конце XIX–начале XX в. как альтернатива традиционным (классическим) типам правопонимания. Интегративное правопонимание изначально формировалось как способ “антикризисного мышления”, направленного на осмысление права в самой его сути и разработку моделей его развития, в котором можно выделить, по крайней мере, четыре независимых направления, где каждое в той или иной степени испытало на себе влияние идей Гуссерля.

Первое направление исторически сложилось как доминирующее. Поддерживаемое извне такими идеалами неклассической рациональности, как плюрализм и междисциплинарность научных исследований, оно основано на использовании методологических подходов, выработанных в контексте разных концепций правопонимания, синтезе понятий и категорий с учетом научной целесообразности. Данное направление в развитии интегративного правопонимания представлено в наследии русских философов и теоретиков права – В. Соловьева, И. Ильина, П. Сорокина, Г. Гурвича. Примером современного “синтезирующего” варианта интегративного подхода может служить диалогическая концепция права И. Честнова, в которой предлагается исследовать феномен права с позиции единства философского, социологического и культурно-исторического критериев [Честнов, 2002, с. 45–51]. Необходимость такого подхода обусловлена, во-первых, сложностью права как многогранного явления; во-вторых, соответствием выделяемых автором критериев классическому, неклассическому и постнеклассическому типам научной рациональности. Думается, что безусловно заслуживающая внимания диалогическая концепция Честнова может быть оценена как проект обновления системы знаний о праве, хотя общие принципы “синтезирующего” интегративного правопонимания не предполагают реализации столь радикального замысла.

Второе направление развития интегративного правопонимания представляет собой попытку найти “исходную клеточку”, очевидную данность права, используя все разнообразие методологических средств научного знания. Основная идея данного подхода состоит в том, чтобы, отказавшись от того, что уже известно в истории права, зафиксировать возможности права как его протосмысл и момент предшествования. Пример исследования, лежащего в данном русле интегративного правопонимания, – философская концепция юридической нормы А. Закомлистова. В своей диссертации он предлагает интегрировать логико-математический и перцептивный подходы к изучению права [Закомлистов, 2004]. В результате оно обретает вид аксиологической

онтологии, в контексте которой осуществляется исчисление социального пространства в позитивном и негативном взаимодействии на публичном и частном уровнях общественной жизни. Это исчисление производится через установление приемлемости той или иной репрезентативной фигуры социального действия. Приемлемость определяется Закомлистовым как протонорма или изначальный момент аксиологического исчисления нравов.

Третье направление интегративного правовопонимания связано со стремлением показать специфику права через полагание его сущностной связи с более широким и, как следствие, более абстрактным основанием. В данном случае речь идет не об общеизвестном определении вида через род, а поиск такой онтологической данности права, исходя из которой можно было бы реконструировать историю права, показать его связь с внеправовыми социальными явлениями, вывести универсальный смысл и структуру права. В последнее десятилетие в рамках данного вида интегративного правовопонимания активно развивается коммуникативная теория права, имеющая сторонников как у нас в стране (А. Поляков, Е. Чичнева, Л. Харитонов, М. Козюк, А. Овчинников и др.), так и за рубежом (Ю. Хабермас, А. Кауфманн, М. Мюллер, В. Кравиц, Н. Луман и др). Специфика коммуникативной теории права состоит в нацеленности на решение важнейших проблем современной философии права: субъекта и его сознания, интерпретирующего “жизненный мир”; правовых текстов или источников права и правовых норм; правового взаимодействия прав и обязанностей. Это позволяет сформулировать интегративное понятие права, образованное тремя измерениями: деятельностью сознания, социокультурными условиями и межсубъектными правовыми коммуникациями. Коммуникация в данной концепции права выполняет функцию двойного ограничения. С одной стороны, она определяет онтологический статус права, будучи его субстанциональной основой, а с другой – все элементы права (правовые субъекты, их права и обязанности, правовые нормы). При этом коммуникация в отношении элементов права – специфически правовая, так как опосредована правовыми тестами и процедурами их интерпретации.

Четвертое – наиболее продуктивное с моей точки зрения – направление развития интегративного правовопонимания связано с концепцией интегративной юриспруденции как отдельной отрасли юридического знания со специфическим понятийным и методологическим аппаратом. В первой половине XX в. идея создания такой науки была высказана Дж. Холлом (см. [Hall, 1947]). В частности, Холл утверждал, что интегративная юриспруденция не может ограничиваться функцией синтеза традиционных типов правовопонимания. Она должна выработать новый ракурс исследования права, конституировать новый “предмет ведения”: «Научный поиск философа права, в конечном счете, фокусируется на том, что в наиболее общем значении может быть обозначено термином “правовой объект знания”. Хотя исследователь в своем анализе объекта должен провести его многочисленные различия, правовой объект знания является в действительности четко ограниченной взаимосвязанной структурой в постоянном процессе... В этом случае постоянные усилия должны быть направлены на то, чтобы:

- 1) охватить в исследовании как можно больше различных фаз юридического объекта знаний;
- 2) изучить каждую фазу в отношении к другим;
- 3) изучить их не только в постулируемом статическом состоянии (как “структуру”), но и в динамических процессах;
- 4) разработать соответствующую терминологию» [Антология... 1999, с. 739–740].

Далее Холл предлагает некий эскиз правового объекта, специфика которого определяется следующими чертами. Во-первых, общим понятием, раскрывающим содержание понятия “правовой объект”, должно быть понятие “опыт”. В этом случае “правовой объект” предстает как “слияние определенных, четко очерченных аспектов сознания с внешним миром”. Во-вторых, целостность правового объекта задается

единством онтологически структурированного образа права (правовая структура) и процесса (право-процесс). Понятие “правовая структура” выражает представления об устойчивости структуры или системы правовых данностей. Понятие “право-процесс” определяет изменения, происходящие в праве. В-третьих, правовой объект должен быть определен как социально-правовой комплекс, в котором “нормы права представляют собой отчетливую актуализацию идеи и ценности” [Антология... 1999, с. 739–740]. Таким образом, Холл поставил задачу перед интегративной юриспруденцией определить предметный смысл права в качестве конфигурата, в котором результаты теоретического познания правовой реальности соотношены с социальным опытом или общепонятными принципами ее духовно-практического освоения.

Исходным содержанием объекта интегративного правопонимания представляется концепт “правовая жизнь”. Необходимость его разработки обусловлена тем, что за понятиями “право”, “правовая реальность”, “правовые отношения”, традиционно используемыми в теории и практике права, уже закрепился набор определенных значений. Наряду с теориями и терминами правопонимания существует право как таковое, то есть совокупность всех правовых явлений и процессов. Их смыслы сосредоточены в обыденных представлениях о социальном порядке, определяют содержание социального бытия и типичных коммуникаций. Кроме того, введение концепта правовой жизни способствует расширению границ интегративного правопонимания за счет включения в него табуированных классическим правоведением неправовых явлений, конкретизации связи права с другими формами регуляции общественной жизни (религией, моралью, идеологией).

Феноменологический подход к исследованию онтологии правовой жизни и построению сущности Правового представлен в работе В. Майхофера. Хотя он и не ставит задачу введения новой терминологии, но контекстуальные значения используемых понятий начинают явно диссонировать с их традиционными денотатами. В частности, с одной стороны, Майхофер, вслед за М. Хайдеггером и К. Ясперсом, соглашается с идеей неподлинности права как мира нехватки и “заброшенности в *Das Man*”, а с другой – он настойчиво ищет утраченную подлинность права и обнаруживает ее в социальной подлинности. Переход от неподлинности права к подлинности отражается в следующем умозаключении: «Впервые как “политис”, в своем социальном “Со-мире” человек существует в праве, он имеет возможность осмысления, как и упущения, собственного бытия, потому что упущение права и подлинности есть здесь одно. Лишь как “политис”, и тем самым “человек в праве”, он есть “подлинный” человек» [Майхофер, 2008, с. 199]. По мнению Майхофера, подлинность права определяется рядом смысловых измерений¹. Во-первых, Правовое есть “бытие-с-Другими”, вследствие того, что “в право человек вступает так же, как тот, кем он экзистентно становится со своим отношением в мире Других” [Майхофер, 2008, с. 250]. Во-вторых, Правовое есть “бытие как”, которое обнаруживается в повседневном взаимном исполнении соответствующих ролей, конституирующем мир права как целостность “господствующих” и “товарищеских” элементов. В-третьих, Правовое существует только “Здесь и Сейчас”, так как покоится в “природе вещей”. Именно на актуальное Правовое «нацелена подлинная “теория права”, которая не спрашивает как голая “догматика” о законном, но действительном праве, предопределенном посредством “структуры логики вещей” самой правовой материи» [Майхофер, 2008, с. 255]. Таким образом, с феноменологической позиции Майхофера право предстает как действительность, имманентная сознанию и покоящаяся на логических и идеологических основаниях.

Опыт исследования права Майхофера – дополнительный аргумент в пользу того, что в целях достижения феноменологической ясности целесообразно поставить “за скобки” классические версии правопонимания и ввести концепт правовой жизни, за-

---

¹ Смысловые измерения – это интенциональные импликации (терминология Гуссерля), определяющие модусы конституирования права, возможные направления его феноменологического познания. В своей совокупности смысловые измерения задают контекст феноменологической интерпретации права, цель которой – собственно понимание того, какие образы права укоренены в структурах сознания.

мещающий традиционные представления о праве. Можно предположить, что смысловые измерения данного концепта совместимы со смысловыми характеристиками жизненного мира, заданными учением Гуссерля. Итак, правовая жизнь – это:

– действительный мир права, когда его смысл определяется как жизненно-практический модус и деятельностный контекст всех коммуникаций – от нормативно обусловленных повседневных контактов до правовых взаимодействий, регламентированных государством;

– утраченный фундамент наук о праве, который позволяет осмыслить правовую жизнь как мир донаучного опыта, когда правовая жизнь предстает как процесс накопления, конституирования и символизации социально значимых смыслов, на которые люди ориентируются в своей повседневной деятельности;

– правовая жизнь всегда предпослана научному и практическому освоению права, предъясвляет самоценность права, обусловленную способностью субъекта права к формированию представлений о “нормальной жизни” (терминология Б. Вальденфельса);

– пространство очевидных утверждений о праве, указывающих на то, что смысл права состоит в осознании и артикуляции субъектом права своего присутствия в правовых процессах, а привычность и доступность правовых данностей предполагают выделение из них стандартов в виде норм, образцов поведения, устойчивых реакций на повторяющиеся ситуации;

– актуальное право, когда смысл активного присутствия в праве (или собственно правовая жизнь) предполагает, что субъект включен в право, он осваивает его и практически, действуя или бездействуя в соответствии с нормами права, участвуя в их создании и т.д., и духовно, представляя право как ценность и форму общественного сознания.

Таким образом, в философско-феноменологическом аспекте правовая жизнь – это форма смысловой содержательности права, предшествующая теоретическим утверждениям о нем. Правовая жизнь образована исходными данностями правосознания, которые выражаются в виде доступных и очевидных представлений о границах правового порядка. Думается, что именно такое понимание правовой жизни должно определять специфику правового объекта интегративной юриспруденции.

Подводя итоги исследования влияния феноменологии права на развитие интегративного правопонимания, следует еще раз подчеркнуть, что она расширяет границы восприятия права, устанавливаемые традиционными типами правопонимания, формирует образ правовой реальности в виде “коррелята известных многообразий опыта, отмеченных известными сущностными усмотрениями” (Гуссерль). Другими словами, и феноменология права, и интегративное правопонимание предполагают выход в область многомерного описания права, в которой оно предстает как действительный мир права или правовая жизнь.

Феноменологический призыв “Назад к вещам!” в интегративном правопонимании обнаруживается в требовании выявить и описать постоянно развивающийся правовой объект как исходное основание правопонимания. Феноменологическая трактовка предмета интегративного правопонимания показывает ограниченность реконструкций сущности права, исходящих из дисциплинарных ограничений. Она отрицает продуктивность идеальных моделей, не связанных с актуальным существованием людей и правовым опытом.

Как справедливо отмечает Антонов, в условиях методологического кризиса существует опасность насаждения «экспликативных систем, философских обобщений “сверху” – либо с высот правовой теории предшествующей эпохи и идеологий, либо с позиции новых высокоабстрактных теорий» [Антонов, 2011, с. 147]. Феноменология права и развиваемое в ее русле интегративное правопонимание позволяют избежать подобной “угрозы”, так как они нацелены на поиск единого, но не единственного смысла права. Для них характерны не претензии на окончательную истину, а признание необходимости коммуникативно-дискурсивного обоснования правовых принципов и норм. Реализуется данное требование за счет выделения особой позиции субъекта

познания – позиции участника правовых отношений, осмысливающего свое бытие в праве.

Подчеркну, что единство тематического и смыслового поля феноменология права и интегративного правопонимания не отрицает их специфики. Так, специфика феноменологии права состоит в том, что задача объединения различных типов правопонимания в единое целое производна от основной идеи феноменологии права – “реставрации” феномена права, скрывающегося под оболочками понятий и методов научного правоведения, а также исследования правовой жизни в качестве единого, целостного предмета, находящегося в процессе конституирования смыслов и интенциональных измерений. Специфику интегративного правопонимания еще предстоит раскрыть, сосредоточив усилия на изучении структуры и процесса правовой жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 3. Европа. Америка: XVII–XX вв. М., 1999.
- Антонов М.В.* О принципах научности и развитии правовой теории // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М., 2011.
- Бержель Ж.-Л.* Общая теория. М., 2000.
- Закомлистов А.Ф.* Философия юридической нормы. Дисс... д.филос.н. Пермь, 2004.
- Коссио К.* Интуиция, мышление и знание в сфере знания // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2.
- Майхофер В.* Право и бытие // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1.
- Пантыкина М.И.* Феноменологическая методология: опыт исследования права. Екатеринбург, 2008.
- Пермяков Ю.Е.* Экзистенциальный и юридический смысл правосудия: извлечение европейского опыта // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 2.
- Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права. Учебник. СПб., 2005.
- Тарасов Н.Н.* Юридическая наука: границы и проблемы самоопределения (методологические эскизы) // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2.
- Твайнинг У.* Общая теория права // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3.
- Честнов И.Л.* Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания). Дисс... д.ю.н. СПб., 2002.
- Hall J.* Integrative Jurisprudence // Interpretations of Modern Legal Philosophies. New York, 1947.
- Phenomenology of Law // The Philosophy of Law: an Encyclopedia, 2 vol. Vol. 2. New York–London, 1999.

© М. Пантыкина, 2014